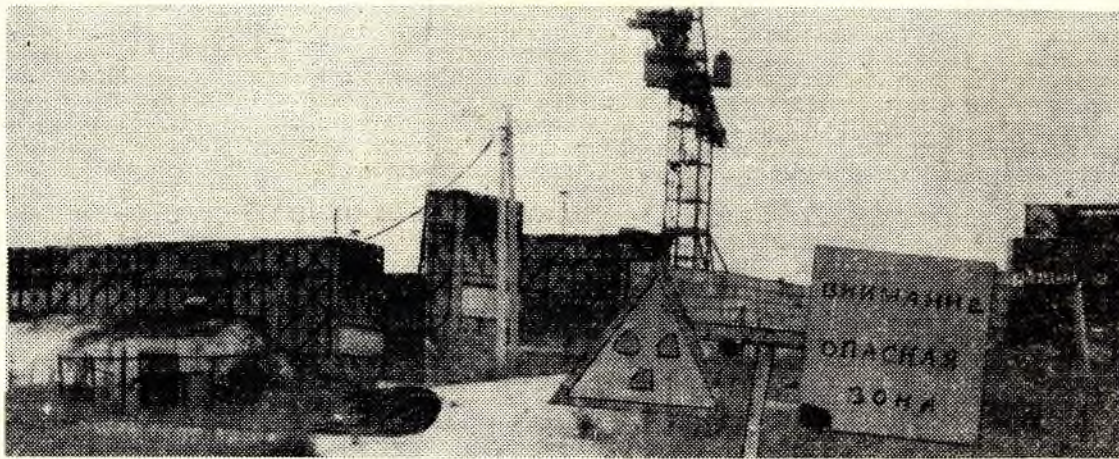

ЧЕРНОБЫЛЬ... ЭТО НАДОЛГО

На фото: пункт захоронения радиоактивных отходов (ПЗРО) «Подлесный».

БЕСПЕЧНЫМ БЫТЬ ОПАСНО

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМ предприятием «Комплекс» за годы, прошедшие со дня Чернобыльской катастрофы сделано немало для очистки загрязненных территорий и превращения их в пригодные для хозяйственного использования и решения внутризонных проблем. Это заметно каждому, кто принимает участие в ликвидации последствий аварии. Однако этим не исчерпываются задачи, стоящие перед работниками предприятия. На первое место выходит необходимость создания техники и разработки технологического сбора, комплексной переработки и хранения радиоактивных отходов. Исследовательская часть работы почти закончена, начато практическое воплощение разработанного.

Прокатившееся по земле эхо Чернобыльской катастрофы напомнило человечеству, как нужно быть осторожным с такой опасной силой, как атомная энергия. И не только тогда, когда она заключена в реакторе...

Однако человек беспечен. Природа ли, Господь Бог ли устроили его так, что плохое и страшное надолго не откладывается в его памяти. В этом может и заключается гениальный замысел творца и сакраментальный смысл познания и всей человеческой жизни: человек не должен испытывать страха, а ему надлежит не оглядываясь, решительно и упорно двигаться вперед, продвигаясь вглубь Вселенной.

Авария на ЧАЭС, не на шутку напугав нас, со временем ушла в нашем сознании на второй план, а затем улеглась где-то в извилинах и мы успокоились: гроза миновала. Еще год-два и будем вспоминать ее при случае, как вспоминаем прошедшие войны, землетрясения или те же трагические последствия атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки...

Помню, семь лет назад меня пугали злоеющие «кирпичи» на обочинах улиц Чернобыля. Огибая маниющие зеленые островки, я старался как можно осторожнее ступать по блестящему мокрому асфальту: было и впрямь опасно.

Сегодня я спокойно срезаю углы и, загребая подошвами песок или толоча густую траву, спокойно и безбоязненно

шагаю в нужном направлении. Вроде как не опасно.

Помнится, американская журналистка впервые приехавшая на ЧАЭС, никак не могла уразуметь, почему на территории станции в доступных местах не видно дозиметров — по которым бы любой посетитель мог самостоятельно определить степень опасности, а не надеяться каждому встречному: верно ли, что говорят?

На подобные вопросы работники станции снисходительно улыбались или ссылались на свой здоровый вид: какая там опасность! Даже дозиметр принесли, чтобы переубедить неверующих. Слушать и смотреть на такое обидно: оправдываемся, как школьники... Что там говорить об иностранцах, если наши журналисты задают такие же вопросы своим коллегам, что работают в зоне. А ведь на станцию их приглашают не на экскурсию. И на газетной полосе хотя бы прочитать объективную информацию о радиационной обстановке на станции.

Ту же заморскую гостью приводили в недоумение добротные костюмные пары на хозяевах, которые они выдавали за повседневную одежду в зоне. И добавляли, что еще лучшие — висят в шкафах. Это те, что домой ехать. При виде же рабочих столовой в воздушных мини-юбках, она не удержалась от восклицания: «О'кей, как на Майами!» Объяснять же ей, почему у самого аварийного блока все ходят в чем попало и без средств защиты, никто не мог, даже

солидное начальство. На ее родине так не принято. Даже на совершенно исправной станции.

По дороге домой дотошная корреспондентка допытывалась у нас, почему мы за день езды по территории десятикилометровой зоны ни разу не пересели на «грязный» автобус. Что было ответить? Разве что убедить, что при пересечении малого кольца, а потом и в Дитятках автобус будет обязательно обследован и, если надо, обмыт. Но когда машина по требованию энергичных жестов милиционеров на КПП (не задерживайтесь, проезжайте быстрее!), не сбавляя скорости проскочила поднятый шлагбаум, мы неловко отвели глаза в сторону...

НЕ ВЗЫЩИТЕ, ПОТОМКИ

Опасность не миновала. Чернобыльское пятно на карте Украины невыводимое. Даже рукой его не прикроешь. Говорить о возвращении земель населению и использовании их по прямому назначению не приходится. Пока на эту территорию наложено табу, как на поселение прокаженных. Но бросить на милость природы тоже нельзя. Она, конечно, справится с бедой, вернет ей изначальный вид, но за тысячи, а то и миллионы лет. А ждать нам недосуг.

Что в силах, должны сделать мы сами, люди. Возможно, не одного поколения. Но нашего — в первую голову. Хоть малую часть вины, а искупить необходимо.

Надо признать, что кое-что сделано. За восемь прошедших лет основная

грязь из-под ног убрана: где просто прикопана, где припрятана понадежней.

В этом в первую очередь заслуга специализированного предприятия «Комплекс». Их стараниями достигнуто много. А сделать предстоит еще больше. И лучше. От количества необходимо переходить к качеству. Мне это показало посещение пункта захоронения радиоактивных отходов «Бураковка-2».

В этом пункте собрана не призонная безобидная дорожная пыль, а вещества довольно-таки опасные.

На территорию пункта просто не попадешь, в этом я убедился лично. Пришлось довольствоваться беседой с мастером участка транспорта и захоронения радиоактивных отходов Виталием Анатольевичем Белоконым, знакомством с документами, схемами, графиками. Всю торцевую стену, где мы находились, занимают светящиеся экраны мониторов. На них визуальная информация о работах на площадках захоронения.

— Нападения боитесь или чтобы начальства не прозевать, — спрашиваю, глядя на светлую полосу дороги на одном из мониторов, по которой мы только что приехали. Его телекамера установлена прямо над воротами, незамеченным не проскочишь.

— Кого нам бояться. И не нужны мы никому.

Бояться некого, это точно, чужих здесь не видно. А если бы кто-то попытался проникнуть на объект, то сделал бы это очень легко. Ведь сколько не вертись зоркое око телекамеры, в лесу вряд ли что заметишь. Тем более, что зеленая стена подступает до самой ограды. Днем ничего не видно, а ночью...

— Для чего же тогда нужна на воротах такая дорогостоящая игрушка?

— ?

Из-за того, что опасаться некого, может и посты воензированной охраны сняты. Обязанности охранников исполняют работники пункта. Есть график, записаны фамилии. Пришло время — заступай на дежурство, отстоял — иди на работу. Не от воров же охрана. Можно и своими силами. Удивительное совмещение профессий. Вот где государство незаконно смогло бы, распространи оно опыт Чернобыля на всю страну! А если без шуток, то тут же на площадке отстоя в ожидании захоронения находится свыше трехсот единиц все-

ЧЕРНОБЫЛЬ...

возможной техники. Есть, например, и танки, на которых, говорят, покатаются можно.

Из рассказа мастера узнаю, что представляет собой ПЗРО «Бураковка». На огражденной площадке расположены 30 траншей для захоронения отходов второй категории до одного рентгена в час и излучением свыше 1000 бета-частиц в минуту на каждый квадратный сантиметр. Вместительность каждой — до 15 тысяч кубических метров. 18 траншей заштрихованы на схеме как закрытые, часть заполняется, остальные в стадии строительства.

Хорошат зараженное не просто в землю, а в траншею на специальный настил из метрового слоя бентонитовой глины, способной сорбировать радиоактивные частицы и чуть тоньше слоя песка. Из таких же пластов состоит и покрытие, что-то вроде слоеного пирога.

Услышанное успокаивает — сделано как будто все надежно и качественно. Да и в отношении радиационного фона вроде безопасно — до 0,28 миллирентгена в час. Но подняться на траншею оказывается опасно. Не из-за фона. Можно... провалиться!

Говорят, это естественно, предусмотрено проектом. Бесформенные бетонные и металлические конструкции, автобусы, другую технику уложить так, чтобы не было пусто, невозможно, тем более, когда это делалось в спешке. Провалы можно засыпать, не такая уж это сложная работа. Что и делается. Только как с герметичностью? Так как на картинке, уже не сделаешь. А ведь захоронено не на год. Так и ходить с лопатой вокруг зловещих могил или оставить все как есть нашим потомкам? Если да, то не забудем предупредить их: будьте осторожны, не провалитесь.

КТО УИДЕТ ИЗ ЗОНЫ ПОСЛЕДНИМ

Думаю, что сейчас все работы, и не только в Бураковке, а и на остальных предприятиях СП «Комплекс» выполняются качественно. Провалов не будет. И если при следующем посещении пункта мне разрешат потоптаться на крыше траншеи, мнение изменится, и в лучшую сторону.

А если серьезно, то деятельность специализированного предприятия «Комплекс» впечатляет. На этой организации лежит огромная ответственность и за то, что сделано, и за то, что предстоит сделать. К ней и внимание должно быть особенное. Это, если хотите, своеобразная санитарная служба зоны. Ее специалистам еще предстоит на последнем квадратном метре опаленной земли установить памятный знак: территория чистая, вход свободный.

Но это не скоро, может, в будущем. Нынче же заботы у них прозаичные и разрешение их только по-настоящему разрешается.

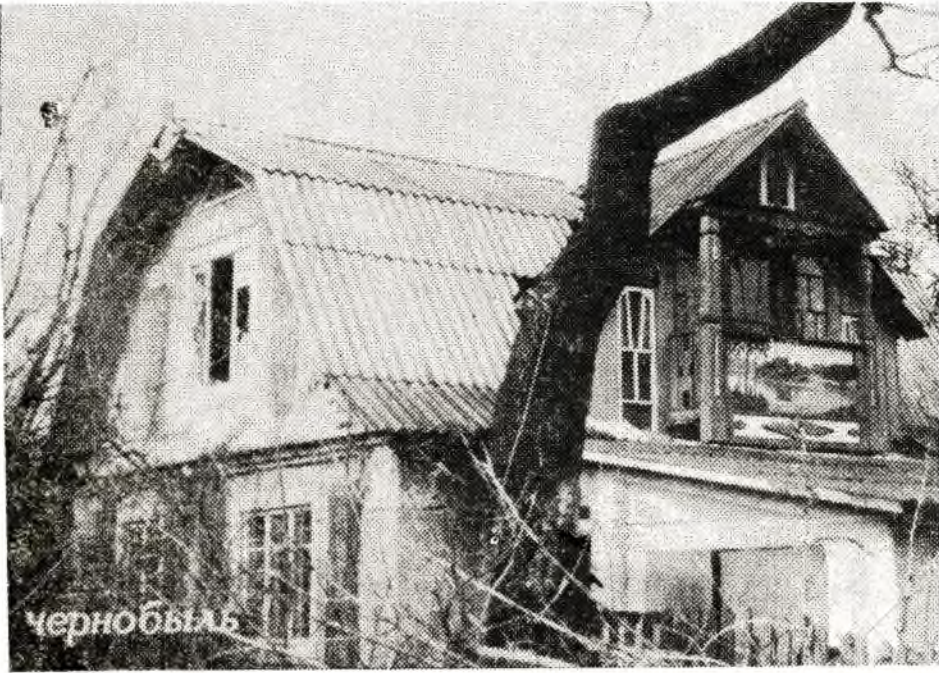
Надо спешить. Современная наука отпускает примерно сто лет, чтобы мы навели порядок в этом крае. Я имею ввиду срок, за который, как показывают предварительные расчеты специалистов, радиоактивное заражение может проникнуть в четвертичные водные горизонты, залегающие на глубине 8 — 16 метров. Попа радионуклиды оккупируют так называемый верховод — поверхностные воды. Это еще не так опасно для всего живого. Если в ближайшие годы удастся закупорить их в зоне и прервать путь в чистые территории, неприятностей можно избежать. За сотни лет многие радиоактивные элементы обезвреятся сами — тот же цезий-137 распадется полностью — некоторые останутся, например, стронций...

Часть из отпущенного лимита СП «Комплекс» исчерпал. Использовал его продуктивно. Это заметно. По крайней мере в Чернобыльской зоне хоть и острожно, а работать можно? Можно привести дух, оглянуться, оценить перспективу и браться за осуществление новых задумок.

КАКОЙ ПУТЬ ВЫБРАТЬ?

Сделанное можно сравнить с добротной домашней уборкой. Самые опасные в радиационном отношении конструкции, агрегаты, техника и материалы собраны и захоронены. Деактивированы большие площади земель, очищены и приведены в порядок многие промышленные и бытовые здания и строения.

Только в прошлом, 1993 году, предприятием «Комплекс» деактивированы более 1000 тонн оборудования и материалов, 8961 единица автотранспорта. На площади около 35 гектаров нанесены закрепляющие покрытия. Ликвидировано 774 пожароопасных и ветхих постройки, обработано 175 тонн спелод-

Из цикла «Чернобыльская зона». Фото на странице Георгия ОВСИЕНКО.

жды и беля. Постоянно осуществляется дозиметрический контроль. Немало сделано для предотвращения переноса радионуклидов за пределы зоны. Структурные подразделения занимаются техническим обслуживанием и ремонтом технологического оборудования. Всего не перечислишь. Эти работы выполняются и в текущем году.

Однако есть и такое, что сделано некачественно, на скорую руку. Причины известны: спешка в первые дни, разобщенность организаций, обслуживающих зону, отсутствие опыта. Образовалось, например, большое количество свалок несанкционированных захоронений, стихийных могильников, многие из которых необходимо разобрать и перезахоронить и многое другое.

Но и это сейчас не самое главное. Нужен комплексный подход к осуществлению всех мероприятий. Проблема заключается не в том, чтобы просто ликвидировать старые грехи, а наладить систематическую и полную переработку радиоактивных отходов. Необходимо отделить чистое от загрязненного и это чистое пустить в дело. Пора настойчивей отвоёвывать у зоны мертвые пространства и приспособлять их к жизни.

С этой целью в специализированном предприятии «Комплекс» разработана и внедрена программа «Вектор». Это тот новый подход к проблеме Чернобыльской зоны, которого так не хватало в первые послеаварийные дни.

Тематическим планом научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по созданию комплекса производств по дезактивации, транспортировке, переработке и захоронению радиоактивных отходов предусматривается внедрение новых технологий и технических средств. В принципе, характер работ по очистке отчужденных территорий останется неизменным, но выполняться они будут с учетом новой концепции.

Такие задачи требуют большой подготовительной работы. Тут и многочисленные согласования и увязки, поиски партнеров и помощников среди научных, научно-исследовательских и конструкторских организаций, тут и выбор промышленных предприятий, способных выполнить техническую часть программы. И не только в Украине. Шутка ли, территория с тридцатикилометровым поперечником и на каждом метре что-то лежит, что-то затанцовало невидимое глаза и опасное для здоровья. Такую площадь и объехать — дня мало, а тут — все обезвредить, вычесать каждый кустик, каждую травинку. И делать это необходимо в темпе, не затягивая, ибо каждый день просрочки чреват возможным прорывом радионуклидов за пределы зоны. Гольями руками тут не справиться, да и имеющейся технике не все, скажем, под силу.

Проектом «Вектор» для этих целей предусмотрен целый комплекс новых машин и приспособлений. Среди них — разработка и изготовление опытных образцов передвижной установки для снятия слоя загрязненного грунта, дезактивации почв и не только на обширных массивах, но и на сельском подворье, в лесу, на так называемых неуродьях или пойме реки. Усовершенствованные машины, оснащенные защитой от луче-

вого поражения и необходимые для работ в лесу: валочные агрегаты, распиловочные приспособления, специальные деревообрабатывающие станки, машины для уничтожения порубочных остатков и др. Новые приспособления понадобятся для очистки воды, атмосферного воздуха, сжигания органических остатков, переплавки относительно чистых металлов, фильтрации отходящих ды-

мов и газов. Но мало очистить территорию. Ее еще нужно облагородить: где возможно — организовать промышленное производство, где — заложить новые лесные массивы, а те места, на которых еще опасно находиться человеку, оставить на «исправление» природе.

БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕЕ — «БУРАКОВКА-2»?

Основные производства по комплексной переработке радиоактивных отходов будут сосредоточены на новом объекте «Бураковка-2». Это рядом с действующим пунктом захоронения радиоактивных отходов «Бураковка-1».

Как и в старом хранилище, здесь будут перерабатываться отходы средней активности — до одного рентгена в час. Первоначальным вариантом сюда планировалось свозить высокоактивные отходы, которых в зоне предостаточно. Даже задание такое выдали разработчикам. Однако, вмешались природоохранные органы. Аргументы у них достаточно веские: в бассейне Днепра проживает около 37 миллионов человек, которые используют его воду для хозяйственных нужд и как питьевую. Поэтому от такой затеи пришлось отказаться — слишком большой риск.

Отличительным для нового пункта есть то, что общепринятый термин «захоронение» здесь неприемлем. Никакой обработкой — ни химической, ни механической — радиоактивность не снимается. Радиоактивность — это не тот покойник, прикопав которого, можно считать, что избавились от него навечно. За ним нужен глаз да глаз. Речь можно вести о хранении — длительном или краткосрочном.

Казалось бы, если с радиоактивностью до ее естественного угасания нам не справиться и она так и будет угрожать живому, то есть ли смысл еще что-то придумывать, тратить время и средства. Изолировать понадежнее и пусть лежит себе до своей кончины.

В принципе так оно и будет, — соглашаются со мной специалисты. Изолируем и будем хранить. Но не все подряд. И не в общей куче, как раньше. Вместе с загрязненным мы выбрасываем много чистого. А это не по-хозяйски. Зачем добром разбрасываться? При соответствующей обработке, мно-

гое можно использовать хотя бы здесь, в зоне.

Что и говорить, подход разумный. Многие с натяжкой воспринимают термин «отходы» применительно к тому, что считается в зоне невозможным для использования. Глядя на почти пригодный автомобиль, домашнюю утварь, землеройные машины или мощную военную технику, приготовленную для захоронения, язык не поворачивается назвать такое добро отходами. Ну металлическая стружка, древесные опилки, в конце концов — картофельные очистки... При современных технологиях и это не отходы. А тут лес на корню, дорога с твердым покрытием, добротный дом, а то и целое селение — отходы. Очевидно люди с подобным уровнем «бытового сознания» и растаскивают все, что плохо лежит, не считаясь с опасностью для жизни. Любый автолюбитель, видя горы ржавеющих машин-отходов в сердцах восклицает: покопаться бы в этих отходах... Если бы переработка, которую предлагает «Вектор», была отлажена в первые годы, «накопатель» могли бы не только владельцы «Жигулей» и «Москвичей», но и государственных предприятия. Не до этого было. А теперь, как говорится, поезд ушел...

Это тоже одна из проблем для специалистов СП «Комплекс». Еще недавно на каждом шагу твердилось о радиобоязни и это преподносилось чуть ли не до уровня национального бедствия. Такая позиция медиков и специалистов-атомщиков нанесла моральный вред населению. Люди стали беспечны и это, как упоминалось выше, вызывает недоумение у посетителей из других стран, привыкших к тому, что государство помнит о безопасности своих граждан.

Можно ли сегодня сказать, что в зоне стало безопасно? Разве мало примеров, когда работники теряют здоровье по причине беспечности? Их можно привести много, даже из практики самого СП «Комплекс», где каждый не понаслышке знает, чем грозит пренебрежение правилами поведения с радиоактивными материалами. Где делись знаки, предупреждающие об радиационной опасности? Въезжаешь в зону и вдоль дороги одни предупреждения от огня в лесу. Как в пригородном лесопарке. Понимаю, для людей, постоянно находящихся в зоне, напоминания, что это вредно, поднадоели. Даже те знаки, что стоят на могильниках в 10-километровом кольце, едва различимы из-за буйной растительности. Ответ специалистов на мой вопрос я знаю. Это нечто из детской психики: «не ходите, дети, в Африку гулять...» Еще говорят, каждый поступающий на работу в зону, предупреждается об опасности и ропись ставит в специальный журнал. Так то оно так, но обучая правилам дорожного движения, знаки пешеходных переходов все-таки ставят. И как бы человек не попал в зону — по незнанию или по беспечности, и «хватунул» дозу, лечить его будем за наши же денюжки.

Однако, вернемся к разговору о комплексе «Вектор».

С учетом международного опыта радиоактивные отходы на «Бураковке-2» будут подвергаться комплексной переработке, одно из направлений которой — отделение «чистого» от «грязного». Опасное после измельчения, резки, отверждения и компактировки подлежит краткосрочному или длительному хранению, что можно очистить — пойдет на повторное использование, условно чистое, скажем, металл, отправят на переплавку, органические вещества можно попросту сжечь в специальных печах.

Подготовленные к хранению радиоактивные отходы по разработанной технологии не складываются, как раньше, в траншею, а укладываются в паспортизованные бетонные контейнеры. Образец такой тары уже разработан. Это емкость в виде куба со сторонами около двух метров и толщиной стенки 200 миллиметров. Вес его около 9 тонн, объем два кубических метра. Есть и предполагаемые изотопители — в Славутиче и Вышгороде. Но прежде чем пустить изделие в серию, его необходимо тщательно испытать, получить соответствующий сертификат, а предприятию-изготовителю — лицензию. Ведь не капусту в них квасить. Опытный образец контейнера проходит испытания в Вышгороде. Кроме испытания на «утечку», он подвергается чисто механическим воздействиям на прочность.

Гарантия хранения отходов в таких

ЭТО НАДОЛГО

контейнерах — 300 лет. Специалистами СП «Комплекс» продумывается вариант резинового контейнера. Наличие в резине графита, по мнению авторов, ставит его вровень с бетоном. Даже толщина стенок может быть соразмерна с бетонной. Немного необычно, на первый взгляд, — такой резиновый пузырь даже на солнце, под дождем, или на морозе. Но как знать.

По одной из технологий контейнеры с отходами будут размещаться на специально подготовленной бетонированной площадке, чуть наклонной, с желобами-отводами для воды, с наблюдательными скважинами. Для удобства визуального контроля контейнеры, поставленные один на другой штабелями, разместятся в рядах на подставках, чтобы и под днище можно было заглянуть: «не течет ли?» Система датчиков и теленаблюдение дадут возможность знать обстановку на площадке и состояние контейнера в любое время.

По другой технологии такие контейнеры, после укуорки крышкой и заливкой для герметичности, будут укладываться в знакомые нам траншеи и засыпаться по примеру «Бураковки-1».

Для учета количества собранных отходов и степени их загрязненности при въезде на объект строится специальный пункт автоматического дозконтроля с весами.

С технической точки зрения контейнерное хранение вызывает доверие и разработано добротно. Конечно, очень дорогое, но и, может быть, несколько громоздкое.

Контейнеров потребуется много. Согласно проекту на строящейся площадке разместятся 12 тысяч таких упаковок. Нетрудно представить, какой будет коробка с кубиками и сколько понадобится бетона — треть объема, что заложено в стены саркофага.

Их необходимо перевозить, заполнять, ставить на стационарные площадки... Словом, повозиться придется. Для контроля предполагается установить датчики. Очевидно, такие «электронные уши», чтобы знать что и как там внутри, надо навесить на каждый контейнер. Опять же, в случае чего, как выдернуть из стопки потекшую емкость? Переключивать? Далее. Даже при наличии совершеннейшей автоматики не обойтись, особенно с нашим сознанием, без того, чтобы кому-то не приходилось время от времени проезжать между рядами для визуального контроля. Да и площадку охранять необходимо. Может не 300 лет, а 30 — уж точно. Понимаю, что дело серьезное, стоит того. И все же...

Со временем наука предложит что-то новое в переработке хранимого. С контейнером в таком случае легко обращаться. А куда девать девятитонную емкость? Содержимого два куба, а посуды — все пять.

А что, если параллельно с контейнерным разработать еще один способ, скажем, что-то наподобие сельского погребка и хранить в нем отходы, как картошку — насыпом. В той же подготовленной траншее собрать контейнер более вместительный, заполнить, запечатать, а сверху прикрыть в «три наката» — безопасно, доступно и ромашки собирать можно будет. А сколько контролеров и охранников освободится!

Будем откровенны. Осуществление долговжданной программы слишком затянулось. И об этом не раз рассказывалось на страницах «Вестника Чернобыля».

У «Вектора» достаточно солидный возраст. Технико-экономическое обоснование утверждено 19 сентября 1990 года. Разработчик — Ленинградский институт НИПИЭТ. Тогда же утверждена общая стоимость всего комплекса, в том числе первой очереди. О суммал сейчас говорить нет смысла, но они солидные по тем временам. Срок разработки — первое полугодие 1991 года. Тогда же определены главные направления и объемы работ. Планировалось строительство наземного хранилища на 500 тысяч тонн, создание опытного производства по дезактивации металлов, передвижных установок по дезактивации объектов и переработки РАО, экспериментального производства по доводке новой техники и комплекс научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию новых технологий и техники.

Разработчики программы не ограничивали применение ее рамками тридцатикилометровой зоны. Отработанные технологии и приобретенный опыт предполагалось использовать в других воз-

никающих нештатных ситуациях и на предприятиях, где используются радиоактивные материалы. С распадом Союза и фактом, что главные авторы разработок оказались хотя и в ближнем, но в зарубежье, внимание к быстрейшему завершению программы значительно ослабло.

В план работ НИОКР «Вектор» на 1993 год заложено 40 договоров-заказов по разработке технологий, техники, приборов и агрегатов. Заключены они с научными организациями и предприятиями Украины и других стран СНГ. Некоторые из них перенесены на текущий год, есть и такие, что находятся под угрозой срыва. Или из-за нестыковки позиций заказчика и исполнителя или, зачастую, из-за финансовых трудностей. То не сложили цены, то вовремя не уплатили, то совсем не нашли денег. В основном подобное наблюдается в отношениях с зарубежными партнерами.

Выход, казалось бы, напрашивается сам — искать исполнителей у себя дома, нежели неизвестно сколько выискивать денежные отношения, например, с тем же Липецким ВНИПИвторчерметом, не проще ли обратиться к подобным организациям Украины. Речь не о каком-то сверхсложном оборудовании, а о приспособлениях для резки, разделки, погрузки и транспортировки металлических радиоактивных отходов. Вдруг это будет проще и дешевле. Но опять-таки те же организационные невязки или финансовые проблемы.

Если уж зашла речь об удешевлении работ, то стоит подумать об экономном использовании денег, не транжирить их попусту. Чего греха таить, многие годы за пределами Чернобыля да и в его зоне разрабатываются и создаются опытные образцы той или иной техники для работы с радиоактивными отходами. Проведенные испытания показывают, что такую технику можно с успехом применять на действующих объектах или после некоторой доработки использовать на предприятиях комплекса «Вектор». До этого, как правило, не доходит.

Сколько таких установок и агрегатов можно найти на территории Чернобыля. Они как будто ничьи. Что ржавеет под открытым небом, что разукрупнено любителями-специалистами, а от чего-то остались рожки да ножки. Например, печь для сжигания отходов на передвижной платформе. Пусть это опытный образец, но что-то из него в последующих машинах использовать можно. Хотя бы колеса! Да и как можно исправлять новое не видя старого.

В целом в решении задач по внедрению комплекса «Вектор» явно проступает нестыковка между отраслями на государственном уровне. Иначе не растянулось бы на многие годы создание производств, которые нужны были еще вчера. Чувствуется отсутствие координирующего центра, который собрал бы воедино все проблемы. Ведь вопросы переработки низко- и среднеактивных отходов общие для атомной энергетики, а не только Чернобыльской зоны. И появляется информация, что каждое ведомство самостоятельно пробует их решить. А это накладно для государства.

Чувствуется некая разобщенность в согласованных действиях внутри подразделений самого СП «Комплекс» относительно проекта «Вектор». Порой нет единого мнения среди специалистов, причастных к этой работе. Отдел, отвечающий за координацию работ и согласование действий организаций, работающих по договорам, урезан до предела. Его состав можно сосчитать на пальцах одной руки.

Несколько с прохладцей приобщается к «Вектору» и наша наука. Оно понятно. Кто даром хочет работать. Но от этого зоне не легче.

Учитывая наше бедственное положение, имеет смысл активнее привлекать к работе другие государства, где и технологии получше и техника надежнее. Подобного полигона для дальнейшего совершенствования в этом направлении им еще поискать. Необходимо проявить взаимный интерес и приемлемые условия сотрудничества. А потом на этом и зарабатывать можно.

Есть смысл и в организации на территории Чернобыльской зоны международного центра по проблемам реабилитации земель, пострадавших от воздействия радиоактивного загрязнения. Но это уже прерогатива государства.

Юлий КРИВЕНОК.

Фото Валерия КУЗЕНКОВА.